

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/73/4

МЕТАФИЗИКА ФАКТА ДОНАЛЬДА МАККИННОНА И ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИОНИЗМА

Виталий Васильевич Оглезнев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,

ogleznev82@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается оригинальная трактовка верификации как чувственно воспринимаемого события, которое хотя отчасти и связано с наблюдением, но им не обуславливается и не исчерпывается. Этот подход был разработан шотландским философом и теологом Дональдом Маккинном (1913–1994), имя которого практически неизвестно отечественной философской традиции. Предлагаемая статья стремится это исправить.

Ключевые слова: верификация, восприятие, наблюдение, факт, Д. Маккинн, Аристотелевское общество

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научно-фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126>

Для цитирования: Оглезнев В.В. Метафизика факта Дональда Маккиннона и проблемы верификационизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 44–54. doi: 10.17223/1998863X/73/4

HISTORY OF PHILOSOPHY

DONALD MACKINNON'S METAPHYSICS OF FACT AND PROBLEMS OF VERIFICATIONISM

Vitaly V. Ogleznev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ogleznev82@mail.ru

Abstract. The article presents an original interpretation of verification as a sensible event proposed by Donald MacKinnon (1913–1994), a Scottish philosopher and theologian. Opposing both the phenomenalist position on the reduction of material objects statements to sense data statements, and the empiricist understanding of verification method as a criterion of the factual truth and scientific meaningfulness of statements, MacKinnon developed his own approach to verification based on a metaphysical interpretation of facts. The fact should be considered as something that is independent of an observation in the sense that the first is

not explained by the second. For MacKinnon, verification is a sensible event, which, although partly linked to an observation, is not conditioned by it, because not every observation that establishes facts should be considered a verification. Observation is indeed an important cognitive tool, but it is far from being a necessary condition for verifying statements. Another noteworthy tool, at least in the field of theology, is faith. It is faith that allows us to interpret facts ontologically, thereby separating them from (empirical) observation, and at the same time not disputing their general epistemological import. Therefore, verification is impossible without the perception of metaphysically interpreted facts. Proponents of logical empiricism, relying on observable facts as a necessary condition for empirical verification of statements, did not understand this, and therefore the fact was devalued. They did not realize that a concept of fact is extremely important because it has a transcendent character and intelligible factual import. In the Russian philosophical tradition, Donald MacKinnon is virtually unknown, even though he significantly contributed to the development of the so-called analytic theology. He was a professor at the Universities of Aberdeen and Cambridge, president of the Aristotelian Society (1976–1977), president of the Society for the Study of Theology (1981–1982), a fellow of Scotland's National Academy of Science (since 1984). The proposed article is trying to remedy this.

Keywords: verification, perception, observation, fact, MacKinnon, Aristotelian Society

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126>

For citation: Ogleznev, V.V. (2023) Donald mackinnon's metaphysics of fact and problems of verificationism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/4

Аналитический поворот в британской философии произошел на волне британского идеализма конца XIX в. и получил дальнейшее развитие после Первой мировой войны, создав условия для интеллектуального обновления философии и формирования такого нового направления, как аналитическая философия. Как едко выразился Ф. Коплстон, она «представляла собой движение, которое ценило ясность и строгость аргументации, рассматривая философию как служанку эмпирических наук, а теологию – как вводящего в заблуждение противника» [1. Р. 30]. Аналитическая философия действительно оказалась мощной интеллектуальной силой, «полноводным потоком, соединяющим в одно течение прежде разрозненные ручейки, стирающим границы и сокрушающим ограждения» [2. С. 12]. Под воздействием этой силы изменился не только ракурс рассмотрения философских проблем, но и стиль самого философствования: благодаря логическому позитивизму акцент с онтологии был перенесен на эпистемологию. И наиболее отчетливо это проявилось в проекте редукционизма Венского кружка, что каждое осмысленное высказывание считается переводимым в высказывание (истинное или ложное) о непосредственном опыте. У.В.О. Куайн назвал этот проект «радикальным редукционизмом» и одной из догм эмпиризма, предшествовавшей верификационной теории значения [3. С. 40–41]. Редукционизм в том смысле предшествовал верификационной теории значения, что выражал требование о сводимости значения высказывания к способу его эмпирической проверки.

Метод (способ, принцип) верификации был детально разработан М. Шликом, руководителем и идейным вдохновителем Венского кружка. Под ним австрийский философ понимал эмпирический метод, в результате которого мы принимаем значение какого-либо высказывания науки, если знаем,

что понятие или утверждение, содержащееся в этом высказывании, можно проверить в чувственном опыте. Иными словами, каждое научно обоснованное высказывание может (и должно) быть сопоставлено с фактами чувственного опыта: «Акт верификации... это некий определенный факт, который подтвержден наблюдением и непосредственным опытом. Таким способом определяется истинность (или ложность) каждого утверждения – в обыденной жизни или в науке. И не существует других способов проверки и подтверждения истин, кроме наблюдения и эмпирической науки» [4. С. 30]. Устанавливая тождество значения и способа его верификации, мы задаем, по мнению Шлика, единственный способ проверки научности какого-то высказывания (предложения). Если же это высказывание не поддается верификации (эмпирической проверке), то оно бессодержательно и не имеет научного смысла, поэтому его необходимо вывести за рамки науки [5. Р. 344–345].

Значение и верификация действительно были частыми темами дискуссий Венского кружка, особенно на рубеже 1920–1930-х гг. [6]. Благодаря Л. Витгенштейну, как отмечает Б. Макгиннесс, утверждение, что значением высказывания является способ его верификации, «многими стало восприниматься как главный лозунг Венского кружка» [7. Р. 352]. Но несмотря на то, что были достигнуты определенные успехи в вопросах полной и частичной верификации, сама природа этого понятия долго оставалась непроясненной. Отчасти это было связано с разными эпистемологическими подходами к пониманию познавательных способностей человека и инструментов получения им нового знания. Члены Венского кружка, например, считали, что принцип верификации является принципом науки (находясь под заметным влиянием Эйнштейна и развития квантовой физики), в то время как Витгенштейн рассматривал его в качестве общего принципа языка. Он полагал, что наука является лишь одной из форм описания мира, а потому не способствует решению философских или этических проблем [Ibid. Р. 356–357].

Интерес британской философии к логическому эмпиризму Венского кружка и проблемам верификационизма был, по-видимому, связан с именем А. Дж. Айера, который, регулярно участвуя в заседаниях Венского кружка в 1932–1933 гг., перенес идеи строгого логического анализа и стремление отрицать любые формы спекулятивной метафизики на английскую почву [8. С. 147–148]. Айер считал, что только логический анализ значения высказываний является единственной достойной целью философского исследования («вопросы, с которыми связана философия, – это чисто логические вопросы» [9. С. 192]), поэтому «уделом метафизика или теолога становится лишь плодить бессмыслицу» [10. Р. 151]. Одним из тех, кто выступил резко против такой «новой» трактовки философии, был шотландский философ и теолог Дональд Маккиннон (1913–1994).

Маккиннон совершенно не устраивал подход, который предполагал, что если условия истинности могут быть сформулированы исключительно с помощью «специальных наук», то все остальные высказывания (например, морали, религии, эстетики) являются лишь в лучшем случае «пищей для психологического анализа или эстетического созерцания» [11. Р. 73]. И хотя в целом он соглашался, что «пришедший на смену исчерпавшему себя британскому идеализму позитивизм, будучи прорывным интеллектуальным направлением, окончательно изменил повестку философии и теологии» [Ibid. Р. 63],

но при этом сомневался, что пришло время сбросить метафизику со счетов. Более тонко и точно философские взгляды Маккиннона описал П. Сэджвик: «Маккиннон всегда был увлечен поисками метафизики, которая смогла бы выйти за пределы языка и найти в фактичности вселенной нечто большее, чем позволял логический эмпиризм... Он перенес теологию в мир истории и социальной науки, но сделал это не просто для доказательства существования моральных проблем, а скорее, для переосмысления метафизических дискуссий в свете новой морали» [12. P. 185].

Выступая как против феноменалистской позиции о редукции высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственных данных [13], так и эмпиристского понимания метода верификации как критерия фактической истинности и научной осмысленности высказываний [14], Маккиннон разработал свой подход к верификации, основанный на метафизической трактовке факта. В *The Problem of Metaphysics*, рассуждая о метафизике факта, Маккиннон объясняет свое критическое отношение к принципу верификации Венского кружка следующим образом: «В 1930-х гг. термин „факт“ в философских дискуссиях стал по сути синонимом того, что верифицирует, подтверждает или опровергает гипотезу; этим словом, действительно, стал называться отказ от наблюдений в той мере, в какой такой отказ приводил к недействительности утверждения о том, что имело место. Если раньше „факт“ имел преимущественно онтологическое значение, то теперь акцент сместился на его эпистемологическое значение» [15. P. 33–34].

Все дело в том, полагает Маккиннон, что в вопросах верификации следует различать два мира – внешний (*external world*) и чувственно воспринимаемый (*sensible world*). Игнорирование этого различия часто приводило сторонников логического эмпиризма и феноменализма к путанице и невозможности четко сформулировать задачи философии – то ли это «устранение непонятных излишеств», то ли «постижение чувственного опыта». Однако, говорит Маккиннон, «даже поверхностного анализа достаточно, чтобы показать, что понятие внешнего мира находится в некотором отношении к чувственно воспринимаемому миру, где последнее зависит от первого» [13. P. 6–7]. Но существование материального мира нельзя определить с помощью позитивистской или феноменалистской методологии: «Допускать, что существование или не-существование материального мира поддается такому определению, категорически противоречит многому, что лежит в основе фактического характера тех процедур, посредством которых мы определяем отдельные факты или законы чувственно воспринимаемого мира» [Ibid. P. 7]. Если же придерживаться этого положения дел, то понятие материального мира как бы низводится до статуса своего рода «эллиптической формулировки регулярности, порядка, простоты и т.д. чувственно воспринимаемого мира, а наше предположение о том, что такой мир существует, – до статуса одностороннего предписания рассматривать чувственно воспринимаемый мир определенным образом» [Ibid.]. Напротив, задача материального мира, обеспечивающего нас необходимыми знаниями о внешнем мире, состоит в том, чтобы данные о нем были упорядочены и согласованы не только друг с другом, но и с чувственным опытом. И здесь вопрос необходимости «переопределения редукционизма» и нового понимания факта, требующего разработки новых критериев осмысленности высказываний, выходит на первый план.

Основная проблема, почему философы далеко не продвинулись в обсуждении верификации (хотя некоторые успехи все же были достигнуты), по мнению Маккиннона, состоит в том, что они просто «не хотели связываться с более фундаментальными вопросами, касающимися самого понятия верификации» [14. Р. 101]. Рассмотрение принципа верификации не должно и не может ограничиваться частными случаями его применения, ибо в том виде, в котором он сформулирован членами Венского кружка, он открыт для серьезной критики. Здесь Маккиннон в некотором смысле предвосхищает критические дискуссии по поводу верификационизма, развернувшиеся в академических кругах в 1960–1970-х гг. по обе стороны Атлантики [16. С. 94]. Он справедливо отмечает, что сосредоточенность и заикленность логических позитивистов на рационально-эмпирической проверяемости высказываний сделали исследования природы принципа верификации и онтологических условий его реализации темами второсортными и бесперспективными [17. Р. 51–52]. Странники верификационизма потому отвергали метафизические утверждения, сомневаясь в их уместности, что считали, что они не просто не поддаются эмпирической проверке и поэтому являются бессмысленными, а нарушают «грамматические» правила естественного языка [5. Р. 341].

Теория верификационизма в том виде, в котором она развивалась членами Венского кружка, была основана, по словам Маккиннона, на таком специфическом методе, как «эвиденциалистское предположение» (*evidentialist assumption*), что «в содержании высказывания нет ничего, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [14. Р. 102]. И этот метод с подачи Маккиннона превращается в особую разновидность верификационизма, которую он подвергает основательной критике.

«Эвиденциалистское предположение», по мнению шотландского философа, основано на идее тождественности значения высказывания и его обоснования (*ground*), которая к тому же является одним из аспектов *Esse est percipi* Беркли. Беркли считал, что материальные вещи не могут существовать без восприятия, они суть чувственно воспринимаемые объекты. Иными словами, подтвердить или установить существование вещи можно лишь ее чувственным восприятием. Если вещь не воспринимаема, ее не существует. Как это установить? Ответ Беркли – посредством опыта, который как раз и позволяет отличить реальное от иллюзорного. Маккиннон, не соглашаясь в целом с философией Беркли, все же его позицию разделяет, поскольку так же считает, что «различие реальности и иллюзии коренится в опыте» [Ibid. Р. 103]. Между *Esse est percipi* и маккинновским эвиденциализмом действительно есть некая аналогия. Сам Маккиннон находит принцип Беркли удачно отражающим принцип эвиденциализма, в том смысле, что если мы утверждаем, что материальный объект или физический процесс существует или является реальным, то мы должны быть способны его воспринимать. Но если мы его не воспринимаем, то его реальность выходит за пределы наблюдаемого мира, и для нас он перестает что-либо значить. При этом важно учитывать, предостерегает Маккиннон, что не следует анализировать понятия так, чтобы лишить их всякого возможного эмпирического содержания. Ибо наблюдение, как мы далее увидим, не является единственным способом установления этого содержания.

Эвиденциалистская трактовка верификационизма Маккиннона исходит из того, что в самом высказывании содержится доказательство или обоснование того, как его следует использовать. В подтверждение своего тезиса шотландский философ приводит пример знания иностранного языка. Знать, например, немецкий язык, значит *уметь читать* (понимать) немецкую классику: «Мы не можем истолковывать содержание наших убеждений так, чтобы то, во что мы верим, было чуждым доказательству того, что мы в это верим» [14. P. 104]. Но какой бы гибкой ни была интерпретация такого обоснования, если мы придерживаемся верификационистской позиции Венского кружка, полагает Маккиннон, то в итоге у нас сформируется убеждение, что содержание высказывания о факте можно анализировать с точки зрения различий, проявляющихся в наблюдаемом мире [Ibid. P. 105]. Но это ложное убеждение, ибо поиск связи содержания высказывания и его обоснования является не только целью философского анализа, но и требованием «грамматики языка». Традиционный верификационизм, по словам Маккиннона, часто этот важный момент упускал из вида, поскольку «стремился с помощью аналитических методов доказать, что никакие другие методы, помимо наблюдения, не позволяют раскрыть природу мира» [Ibid. P. 106].

Маккиннон, иронизируя, вообще предлагает сторонникам логического эмпиризма полностью исключить из научной теории ссылку на ненаблюдаемое, которое по отношению к теории тогда может восприниматься как нечто внешнее. А образовавшийся в результате порядок, исключая несущественное и случайное, влияющие на отождествление эмпирического и наблюдаемого, распространить на все человеческое знание. И тогда категория факта действительно могла бы стать эпистемологической (тем, что наблюдается), а не онтологической категорией. Логические эмпиристы, как и феноменалисты, этого не учитывали, а потому стремились свести все, что мы можем сказать об окружающем нас мире, будь то в терминах повседневного общения или же в терминах научной теории, к утверждениям о реальных и возможных наблюдениях. Отсюда их убежденность в том, что если человек имеет дело с тем, что он увидел, услышал, попробовал на вкус или же к чему прикоснулся, то почву из-под его ног уже не выбить [15. P. 34]. Вот поэтому ни те ни другие не различали эмпирическое и наблюдаемое.

Но даже если допустить, что факты устанавливаются лишь наблюдением, все же нельзя, считает Маккиннон, игнорировать эпистемологическое значение наблюдения, т.е. то, что наблюдение позволяет ответить на вопрос познающего субъекта. Именно вопрос придает смысл наблюдению, которое, в свою очередь, делает осмысленной верификацию. Это рассуждение приводит Маккиннона к выводу, что «верификация есть ничто иное, как чувственно воспринимаемое событие» [14. P. 107], и что не всякое наблюдение, устанавливающее факты, следует трактовать как верификацию. В повседневной жизни мы часто высказываем суждения или задаемся вопросами, а затем их верифицируем или на них отвечаем преимущественно на основании наблюдения. Но когда речь заходит о познании окружающего мира, наш перцептивный опыт ведет себя несколько иначе, он начинает доминировать над наблюдением. Маккиннон объясняет это так. Я знаю, что пол в моей комнате достаточно прочный, чтобы меня выдержать. Здесь нечего верифицировать. Но если кто-нибудь в этом усомнится, то в качестве подтверждения я могу

сослаться на свой собственный опыт. И уж затем, если понадобится, обратиться к наблюдению, которое убедительно подтвердит мое утверждение, что пол прочный [14. Р. 107–108]. Но откуда мы *изначально знаем*, что пол прочный? Можно ли сказать, что то, что я знал до этого, было *событием*, а теперь я знаю это как *факт*?

Ответ Маккиннона прост и однозначен – «мир фактов нельзя рассматривать в качестве копии мира событий» [Ibid. Р. 108], сам язык не позволит этого сделать. И в подтверждение приводит несколько странных примеров. Так, например, он пишет: «Судья, оглашая приговор, может сказать: „Это установленный факт, что около полуночи, в момент совершения преступления, подсудимый по неизвестной причине принес из сарая топор“. Таким образом, *событие*, что подсудимый ходил в сарай, следует рассматривать как *факт*, т.е. как то, что влияет на квалификацию его действий» [Ibid. Р. 109]. Но с этим сложно согласиться, исходя из рассмотренных выше аргументов самого Маккиннона. Ведь судья не наблюдал этого факта. Он не может его подтвердить, сославшись на наблюдение. Он может лишь его, так сказать, мысленно сконструировать. Это не высказывание о факте, как, например, «при нагревании тела расширяются». У него совершенно иная природа. Маккиннон выходит из этого затруднения, указывая на противоречивый характер самих актов верификации, которые «как бы паразитируют на контролируемом интеллектуальном любопытстве» [Ibid. Р. 110]. Он полагает, что все дело в том, что употребление слова «факт» тесно связано с мышлением. Например, «Я хочу знать, находится ли Джонс у себя в комнате, но не потому, что мне интересно его местонахождение само по себе, а чтобы с ним прогуляться или взять у него книгу. Если же, зайдя в комнату, я обнаружу ее пустой, то, конечно же, задамся вопросом, а где же Джонс. Но его фактическое местонахождение не имеет особого отношения к моему изначальному намерению» [Ibid.]. Но что здесь считается *фактом*, связанным с *мышлением*? И есть ли такая связь вообще? Маккиннон не сомневается, что такая связь есть. Она проявляется в том, что «нам следует рассматривать наше примирение с миром как нечто такое, что достигается не столько подчинением нашего мышления тому, что есть на самом деле, сколько постоянной корректировкой и пересмотром критериев приемлемости, авторами которых мы в конечном счете и являемся» [18. Р. 10–11].

Ф. Вайсман, оппонировав Маккиннону, приводит схожий пример: «Предположим, я говорю: „Это же мой друг“. Что, если, подойдя к нему, чтобы пожать ему руку, он внезапно исчез? „Следовательно, это был не мой друг, а какая-то иллюзия“. Но, предположим, через несколько секунд я увидел его снова и могу взять его за руку. Что тогда? „Следовательно, твой друг, тем не менее, был здесь, а его исчезновение было какой-то иллюзией“. Но представьте, что некоторое время спустя он снова исчез, или кажется, что исчез. Что я должен сказать теперь?» [14. Р. 121–122; 19. С. 224]. Но этим Вайсман хотел сказать, что проблема вовсе не в ограниченности выразительных возможностей языка при описании чувственного опыта и не в бесконечной комбинации высказываний о чувственных данных, а в «открытой текстуре» эмпирических понятий [20].

Так или иначе постулируемая Маккинноном связь мышления и факта привела его к утверждению, что восприятие есть нечто большее, чем верифи-

кация, где последняя является лишь чувственно воспринимаемым событием. Верификация, таким образом, невозможна без восприятия метафизически интерпретируемых фактов. Сторонники логического эмпиризма, опираясь на наблюдаемые факты как необходимое условие эмпирической проверки высказываний, по мнению Маккиннона, девальвировали значение факта. Они не поняли, что факт потому является понятием чрезвычайной важности, что обладает трансцендентным характером и умопостигаемым фактическим значением [15. P. 40]. Поэтому представление о факте надо избавить от эмпиристских и феноменалистских предрассудков; факт должен оставаться фактом: «Мир таков, каков он есть, а не таков, каким мы хотели бы его видеть» [18. P. 3]. Это требование шотландский философ объясняет так. Для Рассела и Мура факт был относительно техническим термином. В то время как сторонники радикального эмпиризма, которые отождествляли факт с данными наблюдения, понимали факт как нечто приближенное к его обычному повседневному употреблению, часто предполагавшее его тесную связь с наблюдением. Но, как показали Кант и Поппер, чувственное восприятие, используемое при верификации в эмпирических и естественных науках, обладает сложной внутренней структурой, препятствующей его легкомысленному использованию в качестве средства решения вопроса, касающегося фактического значения того, во что мы верим и что принимаем во внимание [15. P. 43]. Таким образом, настаивает Маккиннон, факты следует непременно освободить от наблюдений, потому что «этическое освобождение эмпиризма от особых оков, в которые он сам же себя заковал, позволит освободить воображение от кажущихся бесплодными фантазий и устремить эмпиризм к концепции политики социального прогресса» [Ibid. P. 39].

Такая метафизическая трактовка факта и эвиденциалистское объяснение принципа верификации Венского кружка не могли долго остаться без ответной реакции со стороны аналитических философов. И реакция действительно последовала. Дискуссионной площадкой, на которой в 1945 г. развернулось обсуждение верифицируемости, оказалось Аристотелевское общество¹, одно из заседаний которого как раз и было посвящено этому вопросу [14]. С основным докладом выступил Маккиннон, где он подробно изложил свое критическое отношение к позиции Венского кружка, а в качестве его оппонентов – австрийский логик и математик Фридрих Вайсман и английский логик и философ науки Уильям Нил.

Не вдаваясь в детали аргументов и контраргументов сторон, остановимся лишь на отдельных рассуждениях Ф. Вайсмана, которому, собственно, и пришлось отстаивать позицию сообщества, членом которого он когда-то являлся. Будучи уже в статусе «бывшего» члена Венского кружка и серьезно изменив свои взгляды на верификацию, Вайсман тем не менее не разделял мнения Маккиннона, что эмпиризм покоится на «фундаментальном предположении», что «в содержании высказывания нет ничего, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [Ibid. P. 102]. И хотя он не возражал против того, что содержание высказывания и его верификация

¹ Аристотелевское общество для систематического изучения философии – научное сообщество, возникшее в Лондоне в 1880 г. Члены Аристотелевского общества ежегодно избирают президента, который выполняет, прежде всего, представительские функции. Дональд Маккиннон был президентом с 1976 по 1977 г.

определенным образом связаны, но описывает эту связь в несколько иных терминах. В отличие от Маккиннона, Вайсман считает, что доказательство верифицируемого высказывания надо рассматривать не как то, что его подтверждает или опровергает, но как то, что его усиливает или ослабляет [14. P. 128]. А значит, и принцип верификации следует рассматривать как «отправной пункт дедуктивной теории» [Ibid. P. 134]. Но дело в том, что эмпиризм не является дедуктивной системой, основанной на принципе верификации, как полагает Маккиннон. Эмпиризм, по мнению Вайсмана, скорее представляет собой критическую позицию, а принцип верификации – способ прояснения содержания высказывания. Такой подход дает совершенно иное понимание принципа верификации Венского кружка и свидетельствует об изменении взглядов самого Вайсмана. Он уже занимает антиредукционистскую позицию (высказывание о материальном объекте нельзя свести к высказыванию о чувственных данных) и считает, что при верификации эмпирических высказываний следует обязательно учитывать как неполноту эмпирического описания, так и открытую текстуру понятий, в которых это описание выражается [14. P. 124; 20. С. 112].

Надо сказать, что Маккиннона не особо впечатлила реакция оппонентов и уж тем более не изменила его общей методологической установки, что факт следует рассматривать как нечто самостоятельное и независимое от наблюдения явление в том смысле, что первое не объясняется вторым. Для Маккиннона верификация есть чувственно воспринимаемое событие, которое хотя отчасти и связано с наблюдением, но им не обуславливается, потому что не всякое наблюдение, устанавливающее факты, следует рассматривать в качестве верификации. Наблюдение действительно является важным познавательным инструментом, но далеко не необходимым условием подтверждения высказываний. Другим заслуживающим внимания инструментом, по крайней мере в области теологии, по мнению Маккиннона, является вера. И хотя вера не порождает предметы (объекты) самой веры, как путешественник не создает исследуемую им область, это не значит, что ее созидательный характер вызывает сомнения: «Ведь изначальная упрощенная направленность веры и ее осязаемое постоянство с необходимостью свидетельствуют о ее сложном внутреннем устройстве, выраженном богатым, едва поддающимся измерению разнообразием форм» [21. P. 449]. Вера, понимаемая таким образом, позволяет трактовать факты онтологически, как бы обособляя их от (эмпирического) наблюдения, и при этом не оспаривая их общего эпистемологического значения. Верификация потому невозможна без восприятия метафизически интерпретируемых фактов, объясняет Маккиннон, что «наши знания об окружающем мире направляются, расширяются и развиваются под влиянием наших же интересов и принимают ту форму, которая отчасти этими интересами задается, ибо мы часть этого мира» [18. P. 2].

Список источников

1. Copleston F. Contemporary Philosophy: Studies of Logical Positivism and Existentialism. London : Burns & Oates, 1956.
2. Пассмор Дж. Современные философы / пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 2002.
3. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–48.

4. Шлик М. Поворот в философии / пер. с англ. А.А. Яковлева // Аналитическая философия: Избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 28–33.
5. Schlick M. Meaning and Verification // *The Philosophical Review*. 1936. Vol. 45, № 4. P. 339–369.
6. Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations Recorded by Friedrich Waismann / ed. Brian McGuinness. Basil Blackwell, 1979.
7. McGuinness B. Wittgenstein and the Vienna Circle // *Synthese*. 1985. Vol. 64, № 3. P. 351–358.
8. Нехаев А.В. Альфред Джулис Айер: язык, логика и этика // Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / под ред. А.Б. Дидикина. М. : Проспект, 2021. С. 146–182.
9. Айер А.Дж. Язык, истина, логика / пер. с англ. В.А. Суровцева и Н.А. Тарабанова. М. : Канон+, 2010.
10. Ayer A.J. Verification and Experience // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1937. Vol. 37, № 1. P. 137–156.
11. Bowyer A. Donald MacKinnon's Theology: To Perceive Tragedy Without the Loss of Hope. London : T&T Clark, 2021.
12. Sedgwick P. Anglican Theology // *The Modern Theologians. An Introduction to Christian Theology Since 1918*. Third Edition / eds. David F. Ford and Rachel Muers. Oxford : Basil Blackwell, 2005. P. 178–193.
13. MacKinnon D. What is a Metaphysical Statement? // *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 1941. Vol. 41. P. 1–26.
14. MacKinnon D., Waismann F., Kneale W. Symposium: Verifiability // *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. 1945. Vol. 19. P. 101–164.
15. MacKinnon D. *The Problem of Metaphysics*. Cambridge University Press, 1974.
16. Польсков К.О. Верификация и теология // *Вопросы философии*. 2018. № 9. С. 90–100.
17. MacKinnon D. Ayer's Attack on Metaphysics // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 1991. Vol. 30. P. 49–61.
18. MacKinnon D. The Presidential Address: Idealism and Realism: An Old Controversy Renewed // *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 1977. Vol. 77. P. 1–14.
19. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. с англ. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева // *Эпистемология и философия науки*. 2018. № 4 (55). С. 219–230.
20. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана // *Эпистемология и философия науки*. 2019. № 3 (56). С. 113–125.
21. MacKinnon D. Does Faith Create Its Own Objects? // *Religious Studies*. 1990. Vol. 26, № 4. P. 439–451.

References

1. Copleston, F. (1956) *Contemporary Philosophy: Studies of Logical Positivism and Existentialism*. London: Burns & Oates.
2. Passmore, J. (2002) *Sovremennyye filosofy* [Recent Philosophers]. Translated from English by L.B. Makeeva. Moscow: Ideya-Press.
3. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View: 9 Logico-philosophical Essays]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–48.
4. Schlick, M. (1993) *Povorot v filosofii* [Turn in philosophy]. Translated from English by A.A. Yakovlev. In: Gryaznov, A. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannyye teksty* [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow: MSU. pp. 28–33.
5. Schlick, M. (1936) Meaning and Verification. *The Philosophical Review*. 45(4). pp. 339–369.
6. McGuinness, B. (ed.) (1979) *Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations. Recorded by Friedrich Waismann*. Basil Blackwell.
7. McGuinness, B. (1985) Wittgenstein and the Vienna Circle. *Synthese*. 64(3). pp. 351–358.
8. Nekhaev, A.V. (2021) Alfred Dzhulis Ayer: yazyk, logika i etika [Alfred Julius Ayer: language, logic and ethics]. In: Didikin, A.B. (ed.) *Aristotelevskoe obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov* [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues]. Moscow: Prospekt. pp. 146–182.
9. Ayer, A.J. (2010) *Yazyk, istina, logika* [Language, Truth, Logic]. Translated from English by V.A. Surovtsev, N.A. Tarabanov. Moscow: Kanon+.
10. Ayer, A.J. (1937) Verification and Experience. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 37(1). pp. 137–156.

11. Bowyer, A. (2021) *Donald MacKinnon's Theology: To Perceive Tragedy Without the Loss of Hope*. London: T&T Clark.
12. Sedgwick, P. (2005) Anglican Theology. In: Ford, D.F. & Muers, R. (eds) *The Modern Theologians. An Introduction to Christian Theology Since 1918*. 3rd ed. Oxford: Basil Blackwell. pp. 178–193.
13. MacKinnon, D. (1941) What is a Metaphysical Statement? *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 41. pp. 1–26.
14. MacKinnon, D., Waismann, F. & Kneale, W. (1945) *Symposium: Verifiability. Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. 19. pp. 101–164.
15. MacKinnon, D. (1974) *The Problem of Metaphysics*. Cambridge University Press.
16. Polakov, K.O. (2018) Verifikatsiya i teologiya [Verification and Theology]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 90–100.
17. MacKinnon, D. (1991) Ayer's Attack on Metaphysics. *Royal Institute of Philosophy Supplement* 30. pp. 49–61.
18. MacKinnon, D. (1977) The Presidential Address: Idealism and Realism: An Old Controversy Renewed. *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 77. pp. 1–14.
19. Weismann, F. (2018) The Many-Level-Structure of Language. Translated from English by V.V. Ogleznev, V.A. Surovtsev. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4(55). pp. 219–230. (In Russian).
20. Ogleznev, V.V. (2019) The “Open Texture” of Empirical Concepts and Linguistic Anti-Reductionism of Friedrich Waismann. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 3(56). pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956353
21. MacKinnon, D. (1990) Does Faith Create Its Own Objects? *Religious Studies*. 26(4). pp. 439–451.

Сведения об авторе:

Оглезнев В.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ogleznev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of the Theory and History of the State and Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 20.04.2023;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*